

Военная фантастика

Комбат Найтов

ЖЕРНОВА ПОБЕДЫ



Антиблокада

Дробь! Не наблюдать!

Гнилое дерево

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Н20

Серия «Коллекция. Военная фантастика»
Выпуск 16

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Найтов, Комбат

Н20 Жернова Победы: Антиблокада. Дробь! Не наблюдать! Гнилое дерево : сборник / Комбат Найтов. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2020. — 864 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-119410-9

На фронте частенько бывает так, что не хватает долей секунды, чтобы нажать на спусковой крючок и уйти с линии огня. Часто мешают «вновь открывшиеся обстоятельства». Командирам не хватает опыта и умения быстро оценить ситуацию, отсутствует решимость выполнить поставленную задачу. Очень мешает неизвестно откуда взявшееся начальство. Командармам не хватает недели или двух, чтобы осуществить задуманное, а главноком — желания преодолеть «политическую целесообразность». Все меняется, когда на участке фронта появляется целеустремленный и опытный человек. Так могло произойти в Крыму и под Барвенковым, в Европе и на Карельском фронте. Не хватило решимости и умения, везения и риска. Не хватило совсем чуть-чуть.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-119410-9

© Комбат Найтов, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Антиблокада

Внезапно наступила темнота, тело абсолютно меня не слушалось, было непонятно, что произошло, где я нахожусь и почему раздаются пулеметные очереди. Какой-то шум справа, но я не могу повернуть голову, она меня не слушается. Чьи-то руки коснулись меня и попытались разжать пальцы.

— Этот еще дышит! — слышался шепот. — Винтовку не отдает и веревку.

— Режь! — Меня перевернули на спину и потащили по земле небольшими рывками. Скорее всего, они ползут. Боль пронизывала все тело, но пошевелиться мне не удавалось. Длилось это довольно долго, затем, не очень аккуратно, меня втащили, скорее всего, в окоп, потому что на лицо упали небольшие комья земли.

— Товарищ комбриг! Группа погибла! Обнаружили одного живого и «языка». «Язык» ранен, но жив.

— Всех проверили?

— Да, всех. Восемь человек. Шестеро прикрывали отход двух человек с «языком». Дышал только этот. Но он без сознания. Немец — штурмбанфюрер.

— Посвети! Это лейтенант Иволгин, снайпер группы. А что за веревка в руке?

— Он немца на ней тащил.

— Еще дышит?

— Дышит, и пульс есть. Вот только руку не разжать.

— Несите так. А эсэсовца ко мне. Выполняйте, Миронов.

Два человека подхватили плащ-палатку и потащили меня по ходам сообщения. Затем переложили на носилки и довольно долго несли. Несколько раз ставили их на землю, отдыхали, неторопливо переговариваясь между собой. Покурив, продолжали свой путь. Погрузили на машину и около часа куда-то везли.

— Принимайте, товарищ лейтенант! Разведчик из осназ, из Москвы, лейтенант Иволгин.

— А документы?

— Какие документы, он с выхода. Все, что передали!

— Винтовку не отдает!

— Да, лейтенант наш, который его с нейтралки вытащил, тоже пытался ее забрать, но руку разжать не сумел. Комбриг из округа сказал, так несите.

— На стол! Ранений нет, опухоль чуть ниже затылка, видимо контузия. Кровь из левого уха — видимо, повреждена перепонка. Наденька, морфин!

Я почувствовал укол в левое предплечье, затем звуки стали отдаляться, перед глазами поплыли цветные пятна и полосы, сознание отключилось.

Очнулся от звуков взрывов, удалось открыть глаза. Чужое тело плохо слушалось, команды не проходили. Невысокий деревянный потолок, металлическая койка, резкий запах карболки, гноя и крови. Лежу на спине, во рту противная сухость, очень хочется пить. Сильно болит голова. Попробовал пошевелить пальцами рук и ног. Вроде получилось. Сильно затекли мышцы. Взрывы слышались все ближе и ближе, надо было приподняться, так как обстрел продолжался. Рядом кто-то сильно стонал. Удалось скинуть ноги с кровати и сесть. Неожиданно сильно закружилась голова, и я почувствовал рвотный позыв. Видимо, вчера чем-то сильно приложило.

— Ранбольной! Лежите! — послышался женский голос. У меня перед глазами появился белый халат, чьи-то руки положили меня обратно. Я что-то прохрипел, голоса не было

совсем. Но, видимо, до женщины дошло, что я хочу пить, и она спустя несколько минут принесла эмалированную кружку с водой.

— Спасибо! — сказал я хриплым низким голосом, после того как выпил всю воду. — Еще, пожалуйста!

После этого я уснул, несмотря на продолжающийся вялый обстрел. Меня разбудили уже к обеду. Напротив, на табуретке сидел командир в форме РККА, с одиноким ромбом на петлицах.

— Как себя чувствуешь, лейтенант?

— Пить хочу.

— На тумбочке. — Он смотрел, как я пью, затем помог поставить кружку обратно.

— «Язык» ваш ценный, но сведения дал плохие. Я за тобой, здесь оставаться не стоит. Одевайся. Я пойду и оформлю бумаги, сейчас вернусь.

Я оделся, хотя мотало меня крепко, медсестра помогла надеть маскировочный костюм. Вернулся полковник с винтовкой СВТ, он расстегнул командирскую сумку и вытащил из нее пачку документов, перелистал, нашел какой-то и протянул мне.

— Положи в карман. До машины дойдешь?

— Не знаю.

— Сестренка, помогите ему.

Меня довели до машины, на заднем сиденье были старший лейтенант и ээсовец. Меня посадили рядом с немцем. Машина тронулась. На выезде успел прочитать название деревни: Огонек. Через четыре километра въехали в Нарву. Значит, сорок первый год. За Кингисеппом свернули на Волосово. Несколько раз останавливались, пережидая появляющиеся немецкие самолеты. Через три часа приехали в Ленинград на Дворцовую. За время поездки нас трижды останавливали для проверки документов, и я успел заглянуть в командирскую книжку. Зовут теперь меня Иволгин Максим Петрович. Отдельная разведрота Ленинградского военного округа. Специальность: снайпер. Сегодня 5 августа

1941 года. Немца группа взяла под Раквере. Танкист. Все, что удалось услышать.

— Отвези лейтенанта в школу и возвращайся! — приказал комбриг водителю. Меня отвезли на Петровский остров, возле Большого Петровского моста в парке располагалась разведшкола ГРУ РККА. Водитель довел меня до медсанчасти, опять сделали какой-то укол, и я уснул. Разбудили ночью и попытались получить от меня сведения. Пришлось признаться, что ничего не помню. Что в голове осталась одна цифра: 08:00 07.08.1941. Дата и время начала наступления на участке Выру-Лаеквере. И что фашист ценный, надо обязательно довести. Группа осталась прикрывать отход. Письменные показания дать пока не могу, руки слушаются плохо.

— Ладно, Максим, отдыхай, лечись, — сказал незнакомый командир. Сон, несмотря на уколы, не шел. Ситуация паршивая: никакой остаточной памяти Максима Иволгина не наблюдается. Люди все незнакомые, ни имен, ни фамилий, никаких сведений. Утром меня повезли в город на улицу Маяковского и показывали какому-то профессору. Он стучал мне молоточком по ногам, заставлял следить за ним, рассматривал глаза через зеркало с дырочкой. Ему было много лет, вокруг него с придыханием крутилось множество ассистентов. Вердикт: ЧМТ, сотрясение мозга, амнезия, ограниченно годен в военное время.

— Товарищ профессор, рвота у меня закончилась, еще ночью. Пока ехали сюда, меня ни разу не тошнило. Пальцы на руках начали слушаться. Изображение в глазах больше не двоится. О каком ограничении идет речь? Я из разведки, у нас просто санаторий: постоянно чистый воздух, много солнца, много движений. Зарастет все, как на собаке. А память? Я помню все, что было в последние два дня, даже по часам. Рановато меня списывать.

— Вот что, ранбольшой! С такими травмами не живут, как вы на ногах стоите — для меня это большой вопрос. Есть подозрение, что это посттравматический синдром. Как только он закончится, вы умрете.

— Ну, похоронят, если смогут. Сейчас не всем места в могилах хватает. Все чаще просто в воронках.

— Идите, молодой человек, вы просто не понимаете, что говорите.

— Напрасно, товарищ профессор, вы меня списываете. Я выкарабкался.

— Идите-идите, вы напрасно отнимаете у меня время.

Капитан, который меня сопровождал, вошел в кабинет нейрохирурга. Он пробыл там около десяти минут и вышел с пакетом каких-то бумаг.

— Поехали!

Привезли опять на Петровский, в медсанчасть. В обед приехал тот самый комбриг.

— Говорят, что ты все забыл и не придуриваешься?

— Да, товарищ комбриг.

— И меня не помнишь? Мы же с тобой с Финской знакомы.

— Нет, не помню. Но уже знаю, что вы Петр Петрович, вас так старший лейтенант в машине назвал. А водитель сказал вашу фамилию: Евстигнеев. Оперативная память у меня присутствует — с момента, как очнулся на нейтралке. — И я слово в слово передал все, что происходило.

— Ладно, Максим. Раз говоришь, что оклемаешься, остаешься в штате. Тем более что людей у нас почти не осталось. Стрелять не разучился?

— Не знаю, но пока громкие звуки вызывают боль в ухе. Не зажило еще.

— Хорошо, приводи себя в порядок, но больше недели дать не могу. Домой съезди.

— Я не помню, где это.

— Михайлов отвезет.

Меня привезли «домой» — это на «Ваське», на Декабристов, совсем рядом со школой. Дверь открыла соседка, она же дала ключи от комнаты. Все жители города выехали под Лугу и сейчас строят линию обороны, которой завтра не станет. Я просмотрел фотографии в альбоме, «свои»

тетрадки, нашел дневник, который обрывался на поступлении в разведшколу РККА в 1938 году. Не очень много информации. Этого дома на острове Декабристов в наше время не существует. Не сохранился, не пережил войну. Там сейчас «сталинка» послевоенной постройки. Оставил письмо «родителям» через соседку: пожилую даму с замысловатой прической. Объяснил, что сильно контужен, поэтому изменился почерк. Я пешком пошел обратно в школу. С утра решил входить в обычный режим: подъем в 06:00, два часа физподготовки, дальше по расписанию школы. Через пять дней взял винтовку и пошел в тир. После выстрела немного отдавало болью в ушах. Тем не менее пристрелял винтовку, затем начал занятия по маскировке. Приехавший через семь дней после разговора Евстигнеев принял мой рапорт.

— Возьмешь группу курсантов, сформируй боеспособную группу для действий на участке новой госграницы. Положение в районе Выборга очень нестабильное. Авиацией прижимаем финнов к земле, но немцы вот-вот ее выбьют полностью. Тогда удержать границу не получится. Времени совсем нет, через три дня доложить о готовности.

И увез чертеж МОН-50, 90, 100 и 200 для немедленного внедрения в производство.

В группе десять пацанов 22-го года рождения. В армии с июня 41-го года. Готовил их лейтенант Никонов, который не вернулся с выхода две недели назад. Проверил физподготовку, отсеял двух человек, проверил огневую — еще одного. Один оказался неплохим радистом. Всех усадил шить «лешаки», готовить оружие, проверил минно-саперную подготовку. Вот и все, что успел сделать. Основное время уделил сигналам, умению тихо передвигаться в лесу.

Наградили меня медалью «За отвагу». Херня все это! Мне надо за линию идти, а не с кем! Бои идут на Сайменском канале: от 134-го километра вправо. У Иматры мы перешли ночью линию фронта. Леса здесь стриженные: разбиты на небольшие участки, с которых полностью вырублен подлесок.

Более неудачного места для выброски хрен придумаешь! Шюцкор везде, сочувствие населения — минус бесконечность. Ночи светлые, все как на ладони. На острове Рапасало, в озере Иматра, минируем и взрываем шестнадцать «Юнкерсов-88», затем отходим через Рантамяки, вынося одного раненого — Васю Хромина, который нарвался на выстрел «кукушки». Пробито легкое слева, чуть выше сердца. Васек без сознания, мы отходим баронскими лесами. Здесь леса принадлежат самому Маннергейму, поэтому подлесок не убран на топливо, как в остальных местах. Плюс прошло несколько летних гроз, собаки сбились со следа. У 12-й заставы Выборгского погранотряда на восточном берегу озера Пукалюсярви мы вышли к своим. Восемьдесят километров по вражеским тылам, один из самых успешных рейдов: «двухсотых» нет, один «трехсотый». Все хорошо, но финны заняли Ляскеля. Одна из железных дорог до Петрозаводска уже обрезана! Евстигнеев перебросил группу туда. В районе Ляскеля бои идут за переправы через одноименную речку, текущую от озера Вяртсиля и одноименной погранзаставы к Ладогге. Здесь оборону держат пограничники и народные ополченцы из Сортавалы и других *финских* городов. Они знают, что их не пощадят.

— Лейтенант, пока жив хотя бы один красногвардеец, белофинны не пройдут! — заявил начальник обороны поселка Ляскеля Лехконен. — Патронов дай!

Выделили ему один ДШК и восемь ящиков патронов к «трехлинейкам». Белобрысые ополченцы, взвалив ящики на плечо, степенно удалились в лес.

Короткий выход на разведку выявил слабое место финнов: имея качественно подготовленных пехотинцев-егерей, они оторвались от баз. Местность здесь горно-лесистая, самая настоящая тайга. Единственная дорога от границы. Мы рубанули по этой ниточке. Финны продержались два дня и начали отходить к Вяртсиля. У них стали кончатся боеприпасы. Но 22 августа нас перебрасывают под Тосно, с несвойственным разведке заданием: оседлать дорогу

Москва—Ленинград и не пропустить танки через реку Тосно, взаимодействуя с 1-й дивизией НКВД и 5-й дивизией народного ополчения. Непосредственно в Тосно стояла 5-я ДНО — слабо обученная, плохо экипированная, но героическая дивизия. Плохо, что воевать не умела. Мы подорвали мосты, расположили в траншеях бронбойщиков и метателей «коктейля Молотова». Три «сорокопятки» распределили между МТС «Ушаки» и Тосно. Обратный скат дороги успели немного заминировать противопехотками. Немцы появились утром, двигаясь по шоссе. На мотоциклах подъехали к взорванному мосту. Я и мои ребята сняли их из СВТ. Вадим Коршунов забрал МГ из коляски. Через некоторое время взвод танков и до роты пехоты на бронетранспортерах SdKfz 251 появилось на опушке леса. Немцы остановились и вели наблюдение. Большое расстояние не позволяло нам открыть огонь. Один из танков решил спровоцировать наш огонь и ударил из орудия по домам в деревне Ушаки. Но огня наши не открывали. Больше всего немцев смущала небольшая рошица у дороги, сразу за околицей деревни. Они обрушили на нее огонь из танков и пулеметов. Под этот шумок я несколько раз выстрелил по офицерам и пулеметчикам из ПРТ S18-1100, некоторое количество которых, с оптическими прицелами, мы «реквизировали» у финнов. Один из бронетранспортеров загорелся. Солдаты попытались залечь на обратном скате, но взрыв «монки» оставил большую часть их на дороге. Откуда-то издали ударила немецкая артиллерия, и огонь обрушился опять на пустую рошу. Взвод оттянулся назад, появились саперы, которые занялись дорогой и обратным скатом. Но мины мы выставляли на неизвлекаемость, поэтому повозиться немцам пришлось долго, плюс, как только они приблизились на дистанцию эффективного огня, по ним открыли огонь снайперы из трехлинейек. Лишь к середине дня немцы решились все-таки атаковать танками и мотопехотой наши порядки. Потеряв под огнем шесть машин и примерно роту солдат, они вскрыли наши позиции и начали методично обстрели-

вать их артиллерией и из танков. Однако правофланговое орудие продолжало расстреливать появляющиеся немецкие танки, которые из леса выходили бортом к нему. Затем немцы прекратили атаку, и мы услышали бой левее, в районе Шапок. Там стояли пограничники 1-й дивизии НКВД. Мы произвели частичную перегруппировку, перебросив одно орудие и два ПТР на левый фланг, к Заречью. Но в тот день пограничники удержали Шапки. А по нам, абсолютно безнаказанно, начала работать немецкая авиация. Ни одной зенитки у нас не было. Но, выполняя совершенно несвойственную нам задачу, мы обеспечили связь между нами и штабом фронта. Женя Васильев постоянно отправлял и получал радиограммы. Мы расположили его в не совсем достроенном доме, вывели наружу антенну, и он обеспечивал связь.

Уже вечером подошел Ижорский батальон народного ополчения, подтянулись подразделения 61-й стрелковой дивизии, выведенной с Карельского перешейка, прибыло шестнадцать КВ-1, часть из которых ушла в Шапки через Ивановское. Ночью к нам приехал Ворошилов.

— Ну что, сынки, держимся?

— Нужно авиационное прикрытие, товарищ маршал. С утра нас выбомбят, 37-й танковый корпус зажат нами на дороге от Тосно до Любани. Требуется авиация.

— Показывай!

Я развернул карту и показал отметки по докладам командиров 1-й и 5-й дивизий.

— А здесь кто держит фронт, кто «Иволга»?

— Мы, товарищ маршал. Штаба 5-й ДНО уже нет. Здесь раненый командир 1-го полка этой дивизии, командир Ижорского батальона народного ополчения и я, командир разведгруппы отдельной разведроты округа лейтенант Иволгин. «Иволга» — это мой позывной. Правее нас штаб 61-й дивизии, левее — штаб 1-й дивизии НКВД. Но радиосвязь только у нас, поэтому все радиограммы отправляю от своего имени комбригу Евстигнееву. Мною предприняты следующие меры